

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.31857/S086919080019204-1

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ
НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПУБЛИКАЦИЯХ
СОВРЕМЕННЫХ ТУРЕЦКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

© 2022

А.В. БОЛДЫРЕВ ^а^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-3982-2848; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Резюме: Статья посвящена оценке современными турецкими исследователями внешней политики Турецкой Республики накануне Второй мировой войны (1939–1945). Мнение о преемственности экспансионизма в политике СССР, унаследованного им от царской России, является лейтмотивом турецкой историографии. Современные турецкие исследователи склонны рассматривать советско-турецкое соседство как «трудное». Поэтому в оценке межвоенного периода существует известный консенсус «старой» и «новой» турецкой историографии по поводу основных принципов советско-турецких отношений, хотя и наблюдаются попытки вырваться из «прокрустовой ложи» устоявшихся концепций за счет обновления материалов и новой интерпретации ряда известных событий. Некоторые исследователи отмечают стремление Анкары сохранить положительный имидж СССР в глазах турецкого общественного мнения на всех этапах советско-турецких отношений 20–40-х гг.

На сегодняшний день, изучая внешнюю политику Турецкой Республики накануне Второй мировой войны, турецкие историки обращают свое внимание прежде всего на стремление Турецкой Республики избежать войны и создать при помощи европейских держав систему коллективной безопасности в Восточном Средиземноморье. Позиция СССР выглядит провокационно, поскольку в турецких исследованиях именно Советский Союз назван виновником того, что аналогичная система не была распространена и на Черноморский регион. Турецкие историки предпочитают не акцентировать внимание на том факте, что желая заключить двойное соглашение с СССР и англо-французским альянсом, Турция сама стремилась избежать вступления в войну, хотя и признают, что на московских переговорах в 1939 г. по поводу заключения оборонительного договора СССР отстаивал свои интересы, а пакт Молотова–Риббентропа был результатом европейской политики. Анкарское соглашение 1939 г. интерпретируется прежде всего как результат неудачных московских переговоров, однако само соглашение рассматривается как соответствующее интересам Турции. Как представляется, подобные «перепады» связаны со стремлением части турецких исследователей пересмотреть некоторые существующие концепции.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Турция, Советский Союз, пакт Молотова–Риббентропа, Анкарское соглашение 1939 г., молодые турецкие исследователи, турецкая историография.

Для цитирования: Болдырев А.В. Внешняя политика Турецкой Республики накануне Второй мировой войны в публикациях современных турецких исследователей. *Восток (Oriens)*. 2022. № 2. С. 29–39. DOI: 10.31857/S086919080019204-1

FOREIGN POLICY OF THE TURKISH REPUBLIC ON THE EVE OF THE SECOND WORLD WAR IN PUBLICATIONS OF MODERN TURKISH RESEARCHERS

© 2022

Andrey V. BOLDYREV ^a

^a – Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3982-2848; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Abstract: *The article is devoted to the assessment by modern Turkish researchers of the foreign policy of the Republic of Turkey on the eve of the Second World War. In assessing the interwar period of Soviet-Turkish relations, there is a consensus between the “old” and “new” Turkish historiography, although some researchers note Ankara’s desire to preserve a positive image of the USSR in the eyes of Turkish public opinion at all stages of Soviet-Turkish relations in the 1920s and 1940s.*

Today, Turkish historians turn their attention to the desire of the Turkish Republic to avoid war and to create a collective security system in the Eastern Mediterranean with the help of the European powers. In Turkish studies, the position of the USSR looks provocative, since it is the Soviet Union is considered to be the culprit for the fact that a similar system was not extended to the Black Sea region. Turkish historians prefer not to focus on the fact that wishing to conclude a double agreement with the USSR and the Anglo-French alliance, Turkey itself sought to avoid entering the war, but admit that at the Moscow negotiations in 1939 the USSR defended its interests, and the Molotov–Ribbentrop Pact was the result of European politics. The Ankara agreement of 1939 is interpreted as the result of unsuccessful Moscow negotiations, but the agreement itself is seen as in the interests of Turkey. Such views are associated with the desire of some Turkish researchers to revise a number of existing concepts.

Keywords: World War II, Turkey, Soviet Union, Molotov–Ribbentrop Pact, Ankara Agreement of 1939, Young Turkish Researchers, Turkish Historiography.

For citation: Boldyrev A.V. Foreign Policy of the Republic of Turkey on the Eve of World War II in the Publications of Modern Turkish Researchers. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 2. Pp. 29–39. DOI: 10.31857/S086919080019204-1

В турецкой историографии 50–60-х гг. XX в. сложность внешнеполитического положения Турецкой Республики в конце 30-х гг. объяснялась в первую очередь обострением ее отношений с Советским Союзом. Так, по мнению Алтемура Кылыча¹, к 1939 г. Турция все больше ориентировалась на Великобританию и Францию. При этом исследователь подчеркивает, что «несмотря на все свои шаги в сторону Запада, турецкое правительство исключало любые замыслы против Советской России». Причина такой «равновекторной» политики состояла в том, что «турецкий народ и его лидеры были крайне осторожны по поводу российских намерений, и никакая помощь не могла рассеять традиционную неприязнь и подозрения в отношении России» [Kılıç, 1959, p. 72–75].

Мнение о преемственности экспансионизма в политике СССР, унаследованного им от царской России, является лейтмотивом турецкой историографии. Кылыч отмечает, что одна из причин подозрений Турции состояла в советских претензиях на проливы и Стамбул. «Тесная дружба и сотрудничество в первые годы отношений между Советской Россией и Турцией начали ухудшаться по мере осознания турецкими лидерами настоящих

¹ Алтемур Кылыч (1924–2016) – турецкий журналист и писатель.

мотивов Советского Союза. Они (турки – А.Б.) никоим образом не желали быть младшим партнером в советской сфере влияния. Хотя они все время были осторожны, чтобы не противодействовать и не порвать с Советами полностью, они взяли курс на сближение с западным миром» [Kılıç, 1959, p. 59]. В данном случае А. Кылыч имел в виду «прозападный» разворот Анкары. Первый его этап относится к 1930 г., когда турецкая дипломатия сделала первый со времени урегулирования мосульского вопроса шаг в сторону сближения с Великобританией². Вторым эпизодом стала замена режима Лозаннской конвенции о проливах на конвенцию Монтрё 1936 г. [Болдырев, 2020, с. 178] и сближение с Великобританией в ущерб советско-турецким отношениям.

Мнение А. Кылыча о доминанте советской угрозы присутствует и в других известных турецких работах. Так, бывший дипломат, профессор международных отношений доктор Али Суат Бильге отмечает, что между Россией и Турцией никогда не было особой враждебности или дружбы. В периоды экспансии Россия проводила ту же политику в отношении Польши, Румынии, Турции и Ирана. При рассмотрении политических отношений Турции с Россией Бильге проводит различие между официальной и скрытой политикой последней. «Мы были свидетелями различных случаев этой двойной политики во время нашей войны за независимость и Второй мировой войны» [Bilge, 1997, s. 3]. Рассматривая дуализм внешней политики СССР в отношении Турции, Бильге упускает из виду двойственность политики самой Турции.

Другие турецкие исследователи также склонны рассматривать советско-турецкое соседство преимущественно как «трудное». Так, Мурат Улгул³ утверждает, что политикой Турции в отношении Советского Союза руководил «фактор страха» [Ulgul, 2010, p. 2]. Впрочем, как будет показано в дальнейшем, позиция М. Улгула относительно политики СССР не столь однозначна. Что же касается молодых турецких ученых, то Кайгусуз Джумхур⁴ отмечает, что хотя сложная политическая ситуация, в которой оказались Турция и Россия после завершения Первой мировой войны, подтолкнула бывших противников к сотрудничеству, «Москва ... хотела, чтобы в Турецком государстве был установлен коммунизм, благодаря большевистской помощи». Во многом это повторяет тезис, высказанный выше А. Суатом Бильге, хотя в отличие от него К. Джумхур признает, что в политической атмосфере 1920–1930-х гг. «дружба была полезна для обеих сторон» [Джумхур, 2017, с. 25].

Мнение о стремлении турецкой элиты сохранять с СССР дружественные отношения не является чем-то новым. Индийско-американский и турецкий историк Фероз Ахмад⁵ также не склонен преувеличивать степень остроты советско-турецких осложнений. Исследуя в коллективной монографии «Будущее внешней политики Турции» ее «исторический фон», он отмечает, что рабочие отношения с Москвой стали главной опорой внешней политики Турции и оставались таковыми, по крайней мере, до смерти Ататюрка в ноябре 1938 г. [Ahmad, 2004, p. 17]. Эту же точку зрения высказывают в своих исследованиях Пинар Бильгин, Кыванч Джош [Bilgin, Coş, 2010, p. 49], Мурат Ёнсой, Гюрол Баба [Önsoy, Baba, 2019, p. 131], Огулджан Йылдырым [Yıldırım, p. 3]. При этом П. Бильгин и К. Джош⁶ отме-

² Историк Фероз Ахмад связывает это с теплым приемом, оказанным турецким правительством британскому средиземноморскому флоту в октябре 1929 г., что положило «начало процессу примирения с Лондоном, который был закреплён альянсом в 1939 г.» [Ahmad, 2004, p. 16].

³ Мурат Улгул – доцент Черноморского Технического Университета (Трабзон).

⁴ В 2017 г. К. Джумхур защитил кандидатскую диссертацию в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского.

⁵ Историк Фероз Ахмад (род. в 1938 г.), индеец по происхождению, работал в США, затем переехал в Турцию, где принял турецкое гражданство. Преподавал в Университете Йедитепе (Стамбул).

⁶ Пинар Бильгин и Кыванч Джош – сотрудники Университета Билькент (Анкара). П. Бильгин – профессор кафедры международных отношений.

чают, что «“дружественная” идентичность СССР во внешнеполитическом дискурсе Турции ... позволила турецким политикам хвалить состояние отношений между Турцией и СССР даже ... после того, как СССР призвал Турцию отказаться от некоторых своих суверенных прав над проливами»⁷. Тот факт, что турецкие политики мало что могли сделать, кроме как поддерживать «дружеские» отношения со своим северным соседом, по мнению авторов, «не умаляет обоснованности предлагаемого здесь аргумента» [Bilgin, Coş, 2010, p. 53]. Однако подспудный страх Анкары перед советской угрозой отмечается во всех приведенных выше исследованиях.

Таким образом, в оценке межвоенного периода существует известный консенсус «старой» и «новой» турецкой историографии по поводу основных принципов советско-турецких отношений, хотя турецкие исследователи пытаются вырваться из «прокрустового ложа» устоявшихся концепций, обновляя материалы и предлагая свою интерпретацию ряда известных событий. Перелом в советско-турецких отношениях многие исследователи связывают с заключением пакта Молотова–Риббентропа (23 августа 1939 г.), а также с извечной для России и Турцией проблемой проливов, перешедшей благодаря конвенции о проливах 1936 г. в новый формат. Известный турецкий исследователь, профессор Анкарского университета Тюрккая Атаёв (работавший в свое время два года в Секторе Турции ИВ АН СССР) выразил общее мнение, отметив, что «нацистско-советский пакт осложнил позицию Турции». «До 23 августа 1939 г., – подчёркивал Атаёв, – Турция могла оставаться просоюзнической (с ориентацией на Великобританию и Францию. – А.Б.) и просоветской одновременно. Поскольку Советы начали называть союзников “поджигателями войны” сразу после заключения пакта, Турция больше не могла сохранять свою уравновешенную позицию. Это заставило Турцию столкнуться с неприятной возможностью участия в войне на противоположной стороне по отношению к ее грозному северному соседу из-за обязательств Анкары перед Великобританией и Францией» [Ataöv, 1965, p. 48].

Ф. Ахмад также отмечает, что отношения с Москвой, бывшие краеугольным камнем международных отношений кемалистов, «охладели» после подписания советско-германского пакта в августе 1939 г. [Ahmad, 2004, p. 22]. Тот же самый вывод повторяют в своей статье М. Ёнсой (Университет Хаджеттепе, Стамбул) и Г. Баба (Университет социальных наук, Анкара): «После подписания нацистско-советского пакта в августе 1939 г. теплая атмосфера в турецко-советских отношениях постепенно подошла к концу» [Önsoy, Baba, 2019, p. 131].

Таким образом, большинство турецких историков убеждены, что именно соглашение СССР и Германии заставило Турцию заново строить свою политику. В турецкой историографии на сегодняшний день исследование пакта 1939 г. имеет самостоятельное значение в качестве примера того, как великие державы решают геополитические проблемы за счет малых стран [Kaşar, 2016].

Онур Ишчи⁸, исследовавший в своей докторской диссертации особенности турецкого нейтралитета в предвоенный и военный периоды⁹, отмечает, что пакт Молотова–Риббентропа лишил Анкару возможности апеллировать к Москве в случае возможного конфликта с Италией¹⁰. Оценивая результаты встречи германского посла в Турции Франца

⁷ В 1945 гг. СССР денонсировал советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете 1925 г. и поставил вопрос о пересмотре ряда положений Конвенции Монрё 1936 г.

⁸ Онур Ишчи – доцент кафедры международных отношений и директор Центра российских исследований Университета Билькент (Анкара).

⁹ В 2019 г. О. Ишчи опубликовал монографию, посвященную советско-турецким отношениям в годы Второй мировой войны: [İsci, 2019].

¹⁰ По поводу Додеканезских островов и других островов Эгейского архипелага.

фон Папена с президентом Турецкой Республики Исметом Инёню и главой министерства иностранных дел (далее – МИД) Шюкрю Сараджоглу¹¹, О. Ишчи подчеркивает, что на ней фон Папен, по сути, угрожал Анкаре поддержкой Муссолини в случае вступления Турции в войну на стороне антигерманской коалиции. «Нацистско-советский пакт, – заключает О. Ишчи, – глубоко встревожил турецких политиков, которые, услышав грубые просьбы Гитлера от Папена, были вынуждены с нуля выстраивать новую стратегию» [Isci, 2014, p. 81].

По мнению М. Улгула, «нацистско-советский пакт можно рассматривать как отправную точку Второй мировой войны». Впрочем, корни Пакта видятся ему совсем не в перманентной агрессивности Советского Союза. «Советский Союз планировал заключить соглашение с Великобританией против совместной немецкой угрозы. Однако их укоренившееся недоверие и предубеждение друг к другу с годами не уменьшались, “политика умиротворения” Чемберлена по отношению к Гитлеру не помогла улучшить эти отношения, равно как и Мюнхенская конференция, и присоединение Чешской Судетской области к Германии 29 сентября 1938 г. ... Фактически Чемберлен надеялся, что Гитлер после своих завоеваний вступит в союз с Великобританией против Советского Союза ... Эта политика не только оказалась неправильной, *это было причиной нацистско-советского пакта в августе 1939 г.* (выделено нами. – А.Б.)». Именно пакт Молотова–Риббентропа, по мнению М. Улгула, развел СССР и Турцию по враждебным коалициям. «Несмотря на то что эти решения были чужды друг другу, невозможно предположить, что обе стороны были не заинтересованы в ином выборе» [Ulgul, 2010, p. 22].

Отказ Турции от политики маневрирования в пользу англо-французского альянса исследуется турками по двум направлениям. В первом случае – это советско-турецкие переговоры в Москве (25 сентября–16 октября 1939 г.). Во втором – переговоры Турции в Анкаре с Великобританией и Францией, закончившиеся заключением пакта о взаимопомощи (19 октября 1939 г.).

По мнению американского исследователя профессора Брюса Р. Кунихолма, провал советско-турецких переговоров был обусловлен жесткими требованиями советской стороны, чье поведение предопределило заключение пакта Риббентропа–Молотова [Kuniholm, 1980, p. 22]. К таким же выводам пришел и А. Кылыч. Миссия Ш. Сараджоглу, по его мнению, была обречена с самого начала, поскольку, когда тот по приглашению советского правительства 20 сентября 1939 г. прибыл в Москву «договориться о пакте взаимопомощи», советская политика уже изменилась в пользу пакта с нацистской Германией. Попытки Сараджоглу рассматривать агрессию в самом широком смысле, понимая под ней «наземную войну, а также войну на море», натолкнулись на безразличие советских руководителей (переговоры вел В.М. Молотов при участии И.В. Сталина), заявивших, что ситуация изменилась [Kilic, 1959, p. 76–77].

Последствия советско-германского договора, по словам А. Кылыча, стали очевидны, когда В.М. Молотов «доложил» о переговорах германскому послу Ф. фон Шуленбургу. Переговоры «зашли в тупик», когда Советский Союз предложил включить положение о том, что из-за договоренностей, которые были приняты на основании германо-советского пакта, он не может быть вовлечен в какие-либо агрессивные действия против Германии. «Кроме того, и что самое важное, Советы потребовали, чтобы Турция подписала двусторонний протокол (протокол состоял из десяти статей. – А.Б.), который фактически изменил бы международную Конвенцию Монтрё в соответствии с чем ... Турция не должна была позволять военным кораблям нечерноморских держав проходить через пролив Босфор в Чёрное море, осуществляя контроль над режимом проливов вместе с Россией» [Kilic, 1959,

¹¹ Встреча произошла в первый день Второй мировой войны – 1 сентября 1939 г.

р. 78]. По словам М. Улгула, «новая договоренность запрещала изменение нового режима пролива в одностороннем порядке или через переговоры с третьими сторонами (с другими державами-подписантами Монтрё. – А.Б.)» [Ulgul, 2010, р. 24].

Как отмечал А. Кылыч, «Турция не могла принять ни один из этих пунктов, так как они бы в конечном итоге подорвали её собственную безопасность и независимость»¹². Ш. Сараджоглу указал, что Турция не может игнорировать Конвенцию Монтрё [Kılıç, 1959, р. 79]. Заключительным аккордом тяжелых и безрезультатных переговоров стало очередное «неудачное» предложение главы турецкого МИД заключить общий договор о взаимопомощи, опять же с оговоркой, что его не следует истолковывать как шаг против Франции или Великобритании. После отказа СССР и от этого предложения 16 октября 1939 г. переговоры были прерваны. По словам А. Кылыча, Сараджоглу пробыл в Москве безрезультатно почти месяц «при игнорировании и подчеркнутой невежливостью с советской стороны» [Kılıç, 1959, р. 79].

Последнее подтверждается и воспоминаниями советского дипломата, в то время заведующего Ближневосточным отделом Народного Комиссариата Иностранных Дел (НКИД), Н.В. Новикова¹³. Вот как описывает он приезд в Москву и (позже) отъезд Ш. Сараджоглу после неудачных переговоров: «20 сентября он (Сараджоглу. – А.Б.) со своей свитой в обществе советского полпреда в Анкаре А.В. Терентьева¹⁴ прибыл парохомом в Одессу. Встретить его там, в качестве представителя Наркоминдела и сопровождать до Москвы в поездке было поручено мне. ... За совместными завтраками, обедами и ужинами в салон-вагоне было оживленно и весело. Министр умеренно пил, благодушно шутил, провозглашал тосты. Не отставали от него и сотрапезники, как турки, так и мы с Терентьевым. В первый же день пути выяснилось, что Сараджоглу заядлый шахматист, и я вызвался составить ему компанию за шахматной доской. Противник он был не из очень серьезных. Учтя это, я играл без напористости, охотно разрешал ему брать неудачные ходы обратно и благодаря такой тактике сумел проиграть половину партий. Он шумно радовался каждой победе, подсмеиваясь надо мной, и чувствительно огорчался при поражениях. ... 18 октября (уже после переговоров. – А.Б.) Шюкрю Сараджоглу вместе со своими спутниками двинулся в обратный путь. ... На меня снова была возложена обязанность сопровождать турецкого министра – на этот раз до Севастополя, откуда в Стамбул его должен был доставить советский эсминец. По дороге в Севастополь в салон-вагоне царило уныние. Коснулось оно не только турецкой части пассажиров, но и меня с А.В. Терентьевым, возвращавшимся на свой пост в Анкару. Он, как и я, предвидел неизбежный период трудностей в советско-турецких отношениях. ... Вечером в первый день путешествия Сараджоглу, уже облаченный в теплый домашний халат, предложил мне опять помериться с ним силами на шахматной доске. Мы сели играть, и тут я, невольно поддавшись чувству неудовлетворенности, в которое поверг меня исход переговоров, начисто забыл о дипломатическом такте. Не делая министру никаких скидок на его высокое положение, я выиграл у него подряд три партии. Крайне раздосадованный, Сараджоглу смешал на доске фигуры четвертой, безнадёжной для него партии, буркнул себе под нос: “Кя-афи!” (“Хватит!”) – и удалился в свое купе. ... Игра на

¹² М. Улгул подчёркивает, что когда в конце первой встречи В.М. Молотов передал Ш. Сараджоглу листок бумаги, заявив, что в нем содержатся изменения в режиме конвенции Монтрё, последний «отказался даже прикасаться к бумаге» [Ulgul, 2010, р. 24].

¹³ Николай Васильевич Новиков (1903–1989) – советский дипломат. 25 мая 1938 г. он был зачислен на должность ответственного консультанта Первого Восточного отдела НКИД. До своего перевода на пост руководителя одного из европейских отделов НКИД курировал дипломатические отношения с Турцией, Ираном, Афганистаном, а также с арабскими странами Ближнего Востока.

¹⁴ Алексей Васильевич Терентьев (1902–?) – советский дипломат и государственный деятель, полномочный представитель (полпред) СССР в Анкаре в 1938 – 1940 гг.

следующий день не возобновлялась. В душе я слегка корил себя за вчерашнюю “недипломатичную” игру, но значения этого эпизода не переоценивал» [Новиков, 1989, с. 28–36]. Трудно сказать, насколько искренне Н.В. Новиков объяснял мотивы своего поступка. Ясно одно – то, как изменилось поведение молодого дипломата (Н.В. Новиков пришел на работу в Комиссариат в начале 1938 г. – А.Б.) в отношении главы МИДа соседнего государства, вполне согласуется с утверждениями турецких историков о том, что московские переговоры стали переломным моментом в турецко-советских отношениях: «Турция начала сомневаться в действиях и политике СССР. Дружеские отношения, солидарность и сотрудничество, которые образовались благодаря перспективным решениям Ленина и Ататюрка в трудные времена, постепенно ухудшались, и начался напряженный период» [Джумхур, 2017, с. 37]. Более эмоционально охарактеризовал эту ситуацию М. Улгул, подчеркнувший, что «в конце переговоров 20-летней дружбе был нанесен непоправимый ущерб из-за различных амбиций одних и ожиданий со стороны других» [Ulgul, 2010, p. 23].

В целом современные турецкие историки придерживаются сходной позиции. Наиболее объективно эту проблему резюмирует Мустафа Бильгин (Университет им. Баязида Йылдырыма, Анкара), использовавший в своей монографии советские документы и отмечавший, что «есть две основные причины негативного отношения Москвы к предлагаемому турецко-советскому пакту: Москва видела в этом ненужное бремя и не хотела брать на себя обязательства относительно Турции, поскольку это осложнило бы советско-германские отношения» [Bilgin, 2007, p. 33]. Как бы подводя итог, М. Улгул отмечает, что «Московская конференция изменила все планы турецкого правительства во время Второй мировой войны и стала первой причиной нейтралитета, поскольку изменила турецкое восприятие угрозы ... Советская Россия представляла собой гораздо более жизнеспособную опасность, нежели Италия (выделено нами. – А.Б.) ... После того, как противоположные намерения Советов были выявлены, это стало оправданием для Турции» (для заключения после Анкарского соглашения. – А.Б.) [Ulgul, 2010, p. 25].

Все без исключения турецкие исследователи связывают столь быстрое заключение Анкарского соглашения (19 октября 1939 г.) с провалом московских переговоров. При этом упускается из виду то, что Турция и раньше хотела создать общую коалицию с СССР, Францией и Великобританией. Молодой исследователь Умит Козджаз¹⁵ подчеркивает, что провал советско-турецких переговоров оставил Турции единственный вариант: немедленное подписание соглашения о союзе с западными государствами [Козджаз, 2018]. По нашему же мнению, еще во время пребывания главы турецкого МИД в Москве Анкара была вполне готова к такому развитию событий [Болдырев, 2012, с. 437]. Кроме того, во время переговоров между британскими, французскими и турецкими дипломатами президент Турецкой Республики Исмет Инёню подчеркивал, что «было бы ужасно, если бы Советы не понесли ущерба и остались в конце Великой войны, происходящей в Европе, могущественной державой» [Önsoy, Baba, 2019, p. 132–133]. Инёню ясно давал понять, что хотя сохранение Турции вне войны было его приоритетом, он был совершенно уверен, что «новая Турция, в союзе с Великобританией и Францией, сможет противостоять российской враждебности, если она возникнет» [İsci, 2014, p. 76]. Сам Исмет Инёню оказался вполне достойным продолжателем политики Ататюрка, полагая, что баланс сил в Европе, при котором великие державы сдерживают амбиции друг друга, лучше всего служит интересам Турции в международной политике [Önsoy, Baba, 2019, p. 132–133]. Поэтому М. Улгул имел все основания утверждать, что заключение Анкарского соглашения не являлась для СССР неудачей. Он отмечал, что имея двустороннее соглашение с Германией, СССР мог рассчитывать на то, что Турция будет нейтральным государством [Ulgul, 2010, p. 25].

¹⁵ В 2016–2019 гг. аспирант Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Что же касается самого Анкарского соглашения, заключенного 19 октября 1939 г., то причиной его подписания, как отмечает аспирант Стамбульского университета Алтынбаш Серкан Кара, было опасение турецких государственных деятелей по поводу последствий пакта Молотова–Риббентропа. «Но основным принципом турецкой внешней политики во время Второй мировой войны было *избежать войны любой ценой* (выделено нами. – А.Б.)» [Kara, 2019]. Альянс имел разное значение для турок и британцев. По выражению Дилек Барлас и Шухназ Йылмаз¹⁶, «для турок это был страховой полис на случай острой нужды в защите» [Barlas, Yilmaz, 2016, p. 14]. Лучше всего ситуацию оценивают М. Ёнсой и Г. Баба. По их мнению, альянс был не чем иным, как простой попыткой уменьшить уязвимость страны, положив конец её изоляции (т.е. обезопасить свое положение собственным пактом. – А.Б.). Договор 1939 г. предусматривал помощь Турции только в случае «акта агрессии, совершенного европейской державой и ведущего к войне на Средиземном море». Однако как отмечают исследователи, «по состоянию на октябрь 1939 г. такое вряд ли могло произойти». В конце сентября посол Германии в Анкаре Франц фон Папен сообщил из первых рук (т.е. непосредственно от А. Гитлера. – А.Б.), что «Германия ни при каких обстоятельствах не намеревалась начинать войну в Средиземном море». Поэтому, по мнению турецких исследователей, единственной серьезной проблемой после подписания англо-франко-турецкого договора о взаимопомощи была возможная реакция Советского Союза [Önsoy, Gürol, 2019, p. 132–133].

При этом тот же У. Козджаз не рассматривает Анкарское соглашение «как спасение от советской угрозы». Он подчеркивает, что с учетом положений договора было понятно, что Турция не хотела воевать с Советским Союзом¹⁷. Поэтому, хотя попытки Турции работать в согласии с Советским Союзом ухудшились после подписания англо-франко-турецкого договора, «истинным мотивом правителей Турции являлось подписание этого соглашения, а не противостояние в одиночку возможной советской угрозе. ... Его заключение означало, что Турция является *не нейтральной, а невоюющей стороной* (выделено нами. – А.Б.). После подписания Анкарского соглашения» Турция нашла свой новый политический путь – альянс с Великобританией и Францией. Однако Турция не была против СССР» [Козджаз, 2018]¹⁸.

Отдельно следует остановиться на исследуемой в турецкой историографии позиции турецкой прессы на начальном этапе Второй мировой войны. Анализируя эти материалы, турецкие авторы стремятся прежде всего показать образ Советского Союза в Турецкой республике в первые дни войны. Мнения на этот счет различны. Так, У. Козджаз утверждает, что известная своей антифашистской позицией левая газета *Tan*¹⁹ полностью защищала интересы Советского Союза, что было негативно встречено другими турецкими изданиями [Козджаз, 2018]. Более аргументированным представляется мнение Севтап Сыракая²⁰. Она отмечает, что в рассматриваемый период «Тан» выступала то с критикой, то с поддержкой внешней политики СССР. Газета одобряла линию Советского Союза, но была против его соглашения с немцами. В то же время «Тан» полагала, что соглашение с Берлином было выгодным для СССР [Сыракая, 2015, с. 124]. Как представляется, именно поэтому У. Козджаз оценивает позицию «Тан» как исключительно просоветскую.

¹⁶ Дилек Барлас – профессор истории Университета Коч (Стамбул). Шухназ Йылмаз – доцент кафедры междоународных отношений в Университете Коч. В 2016 г. она получила престижную премию «Выдающийся молодой ученый» Турецкой академии наук.

¹⁷ Пункт 2 договора разрешал Турции не предпринимать никаких действий, «если последствия приведут страну к вооруженному конфликту с Советским Союзом» [Önsoy, Baba, 2019, p. 132–133].

¹⁸ Более подробно смысл и содержание Анкарского соглашения см.: [Бабинцев, 1976].

¹⁹ В 1935–45 гг. *Tan* представляла собой ежедневную газету левого толка. См. подробнее: [Сыракая, 2015].

²⁰ Севтап Сыракая – аспирантка факультета лингвистики, истории и географии Анкарского университета, а также аспирантка Института истории Казанского федерального университета.

У. Козджаз также отмечает, что все газеты, кроме прогермански настроенных *Cumhürriyet*, *Tasvir-i Efkar* и *İkdam*, рассказывали своим читателям о начале Второй мировой войны в том же ключе, что и официальное правительство [Козджаз, 2018]. Так, если после подписания пакта Молотова–Риббентропа Рыфкы Атай²¹ критиковал Советский Союз, подчеркивая, что «договор о ненападении между Советским Союзом и Германией не спас мир... наоборот, он способствовал войне», то затем высказывания турецких журналистов вполне укладывались в ту концепцию положительного образа СССР, о которой упоминают П. Бильгин и К. Джош [Bilgin, Coş, 2010, p. 54].

Так, например, турецкие издания интерпретировали ввод советских войск на территорию Польши как естественный шаг СССР по защите своей территориальной целостности. Как отмечает У. Козджаз, турецкая пресса подчеркивала, что эта ситуация не повредит турецко-советской дружбе. Постоянный представитель Турции в Лиге Наций Неджемеддин Садак в газете *Akşam*, полностью повторил слова Зекерия Сертель из «Тан»²² о том, что главная цель вступления СССР в Польшу – возможность остановить наступление Германии в восточном направлении. Турецкая пресса пыталась внушить читателям положительное впечатление о московских переговорах, даже признав, что они закончились неудачей [Козджаз, 2018].

Таким образом, по мнению турецких авторов, в начале Второй мировой войны в освещении внешней политики, проводимой Анкарой, пресса дистанцировалась от стран оси и симпатизировала союзникам [Сыракая, 2015, с. 125; Козджаз, 2018]. В данный период турецкое правительство поддерживало дружественные отношения со странами антигитлеровской коалиции. Поэтому оно не препятствовало тому, чтобы в стране печатались публикации, направленные против Германии [Сыракая, 2015, с. 121–130]. Что же касается освещения Анкарского соглашения, то, как отмечает У. Козджаз, «журналисты Турции подчеркивали, что альянс... будет служить только миру». Наиболее точно выразил точку зрения турецкого правительства на этот счет З. Сертель, отметив, что «по этой причине альянсы не должны ожидать от нас никакой помощи» [Козджаз, 2018]. Как отмечает британский исследователь Уильям Хейл, «подписав в октябре 1939 г. Тройственный Альянс, Турция де-факто оставалась нейтральной страной в течение всей войны, подвергаясь сильнейшему прессингу, как со стороны союзников (по антигитлеровской коалиции. – А.Б.), так и со стороны Германии, стремящихся втянуть Турцию в войну на своей стороне» [Hale, 1959, p. 79].

Таким образом, на сегодняшний день, исследуя внешнюю политику Турецкой Республики накануне Второй мировой войны, турецкие историки обращают свое внимание прежде всего на стремление Турецкой Республики избежать войны и создать при помощи европейских держав систему коллективной безопасности в Восточном Средиземноморье. Позиция СССР выглядит скорее провокационно, поскольку в турецких исследованиях именно Советский Союз выглядит виновником того, что аналогичная система не была распространена и на Черноморский регион. Исследователи предпочитают не акцентировать внимание на том факте, что желая заключить двойное соглашение, сама Турция стремилась избежать вступления в войну, хотя и признают, что на московских переговорах СССР отставил свои интересы, а пакт Молотова–Риббентропа был результатом европейской политики. Анкарское соглашение 1939 г. интерпретируется прежде всего как результат неудачных московских переговоров, однако само соглашение рассматривается как соответствующее интересам Турции. Подобные «перепады» связаны со стремлением части турецких исследователей пересмотреть некоторые существующие концепции.

²¹ Фалих Рыфкы Атай (1894–1971) – турецкий писатель и публицист. Во время войны издавал газету «Akşam», ориентированной на страны антигитлеровской коалиции.

²² Мехмет Зекерия Сертель (1890–1980) – известный турецкий журналист и общественный деятель. В 1938–1945 гг. совместно со своей женой издавал газету «Тан».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бабинцев В.А. Англо-франко-турецкий пакт от 19 октября 1939 г. Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Вып. 5 Свердловск, 1976. С. 42–61 [Babintsev V.A. The Anglo-French-Turkish Pact of October 19, 1939. The Balkans and the Middle East in Modern Times. Issue. 5 Sverdlovsk, 1976. Pp. 42–61 (in Russian)].

Болдырев А.В. Конвенция Монтрё в прошлом и настоящем российско-турецких отношений. *Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии*. Под ред. В.Я. Белокреницкого, Н.Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2012. С. 434–458 [Boldyrev A.V. The Montreux Convention in the Past and Present of Russian-Turkish Relations. *Muslim Space along the Perimeter of the Borders of the Caucasus and Central Asia*. Eds.: V.Ya. Belokrenitsky, N.Yu. Ulchenko. Moscow: IOS RAS; Kraft+, 2012. Pp. 434–458 (in Russian)].

Болдырев А.В. Турецкий фактор в политике Великобритании и Франции в межвоенный период. *Новая и новейшая история*. 2020. № 2. С. 175–181 [Boldyrev A.V. The Turkish Factor in the Politics of Great Britain and France in the Interwar Period. *New and Contemporary History*. 2020. No. 2. Pp. 175–181 (in Russian)].

Джумхур К. *Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.)*. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Н. Новгород, 2017 [Cumhur K. *Turkish-Soviet Relations in the Context of International Military-Political Confrontation (1920–1991)*. Diss... Cand. hist. sciences. N. Novgorod, 2017 (in Russian)].

Козджаз У. Положение турецкой прессы и образ Советского Союза в Турецкой прессе на самом начальном этапе Второй мировой войны. *Исторический журнал: научные исследования*. 2018. № 5. С. 1–7 [Kozjaz U. The Position of the Turkish Press and the Image of the Soviet Union in the Turkish Press at the Very Initial Stage of World War II. *Historical Journal: Scientific Research*. 2018. No. 5. Pp. 1–7 (in Russian)].

Новиков Н.В. *Воспоминания дипломата: (Записки о 1938–1947 годах)*. М.: Политиздат, 1989 [Novikov N.V. *Memoirs of a Diplomat: (Notes about 1938–1947)*. М.: Politizdat, 1989 (in Russian)].

Сыракая С. Борьба турецкой газеты «Тан» против германской пропаганды в начале Второй мировой войны. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2015. № 2. С. 120–131 [Syakaya S. Struggle of the Turkish Newspaper «Tan» against German Propaganda at the Beginning of the World War II. *Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism*. 2015. No. 2. Pp. 120–131 (in Russian)].

Ahmad F. The Historical Background of Turkey's Foreign Policy. *The Future of Turkish Foreign Policy*. Eds. L.G. Martin, D. Keridis. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2004. Pp. 9–33.

Ataöv T. *Turkish Foreign Policy. 1939–1945*. Ankara: Üniversitesi Basınevi, 1965.

Barlas D., Yilmaz Ş. Managing the Eransition from Pax Britannica to Pax Americana: Turkey's Relations with Britain and the US in a Turbulent Era (1929–1947). *Turkish Studies*. 2016. Vol. 17. Issue. 3. Pp. 2–26.

Bilge S.A. An Analysis of Turkish-Russian Relations. *Perceptions*. 1997. Vol. II. Pp. 1–12.

Bilgin M. *Britain and Turkey in the Middle East. Politics and Influence in the Early Cold War Era*. London, New York: Tauris Academic Studies, 2007.

Bilgin P., Coş K. Stalin's Demands: Constructions of the “Soviet Other” in Turkey's Foreign Policy, 1919–1945. *Foreign Policy Analysis*. 2010. No. 6. Pp. 43–60.

Hale W. *Turkish Foreign Policy. 1774–2000*. London & Portland, 2000.

Isci O. *Russophobic Neutrality: Turkish Diplomacy, 1936–1945. A Dissertation submitted to the Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in History*. Washington, 2014.

İşçi O. *Turkey and the Soviet Union During World War II. Diplomacy, Discord and International Relations*. New York: Bloomsbury Publishing, 2019.

Kara S. Foreign Policy of Turkey during the Second World War. *Research gate.net*. 30.03.2019.

https://www.researchgate.net/publication/332093667_FOREING_POLICY_OF_TURKEY_DURING_THE_SECOND_WORLD_WAR (accessed: 19.06.2020).

Kasar Ya. Forgotten Alliance: Hitler-Stalin pact of 1939 and the Outcome of Second World War. *International Research Journal Commerce Arts Science*. 2016. Vol. 7. Issue. 3. Pp. 22–33.

Kılıc A. *Turkey and the World. An Appraisal of Events and Policies since World War II*. Washington: Public Affairs Press, 1959.

Kuniholm B.R. *The Origins of the Cold War in the Near East: Great power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece*. Princeton: Princeton University Press, 1980.

Önsoy M., Baba G. Escaping the Whirlpool of War: A Two-fold Analysis of Turkey's Neutrality Policy in World War II. *Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi (CTAD)*. 2019. Year 15. Iss. 29. Pp. 123-147.

Ulgul M. *The Soviet Influence on Turkish Foreign Policy (1945–1960). A Thesis Submitted to the Interdisciplinary Program in Russian and East European Studies in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts*. Gainesville, 2010.

Yıldırım O. War for Neutrality: Tale of Turkey in WWII. https://www.academia.edu/36099469/War_for_Neutrality_Tale_of_Turkey_in_WWII (accessed: 30.08.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БОЛДЫРЕВ Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Andrey V. BOLDYREV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.